

*А. И. Кобзев**

Гибель Титаника советского китаеведения

Аннотация. Русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его псевдомарксистскому и европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «ведение» означает в первую очередь «управление», а не «знание». Связанная с этим лингвистическим фактом и до сих пор внятно не объяснённая претензия руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР привела в 1960 г. к переименованию первого и упразднению второго. Авторитетные специалисты опубликовали несколько версий этого странного происшествия, которые, однако, страдают фактическими неувязками и лишены документальных подтверждений. В статье выдвинута гипотеза, объясняющая демарш руководства КНР обострённым идеологической полемикой сочетанием двух факторов: советским осуждением традиционного востоковедения как буржуазной науки с гегемонистскими интенциями и назначением директором Института китаеведения высокопоставленного сотрудника спецслужб С. Л. Тихвинского, ассоциировавшегося с такого рода востоковедением. В свою очередь, руководство СССР само развернуло в 1960 г. антикитайскую кампанию, в ходе которой ликвидировало НИИ, созданный для изучения достижений КНР.

Ключевые слова: востоковедение, синология, китаеведение, ориентализм, Институт китаеведения, Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока, С. Л. Тихвинский

*Artem I. Kobzev***

The Wreck of the Soviet China Studies ‘Titanic’

Abstract. The Russian term “vostokovedeniye” (“Oriental studies”) can maximally correspond to its pseudo-Marxist and Eurocentric understanding

* *Кобзев Артём Игоревич*, д-р филос. наук, профессор, зав. отделом Китая Института востоковедения РАН (Москва), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

** *Kobzev Artem Igorevich*, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Head of China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

© Кобзев А. И., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

as “Western concepts of the East”, since “védeniye” means, first of all, “management”, and not “knowledge”. Associated with this linguistic fact and still not clearly explained, the Chinese leadership’s concern about the names of the Institute of Oriental Studies and the Institute of Chinese Studies of the USSR Academy of Sciences led in 1960 to the renaming of the former and the abolition of the latter. Authoritative experts have published several interpretations of this strange incident, which, however, suffer from factual inconsistencies and are devoid of documentary evidence. The article puts forward a hypothesis that explains the demarche of the PRC leadership by a combination of two factors aggravated by ideological controversy: the Soviet condemnation of traditional Oriental studies as a bourgeois science with hegemonic intentions and the appointment of a senior intelligence officer S. L. Tikhvinsky, who was associated with this kind of Oriental studies, as the director of the Institute of Chinese Studies. In turn, the leadership of the USSR itself launched an anti-Chinese campaign in 1960, during which it liquidated the research institute created to study the achievements of the PRC.

Keywords: Oriental studies, Sinology, Orientalism, Occidentalism, Institute of Chinese Studies, Institute of Oriental Studies, Institute of the Far East, S. L. Tikhvinsky

В ходе бурной дискуссии о востоковедении [Кобзев 2021, с. 2], вызванной публикацией в 2006 г. русского перевода знаменитой книги Э. В. Саида (E. W. Said, 1935–2003) «Ориентализм. Западные концепции Востока» [Said 1978; Саид 2016], его сторонник, ветеран отечественной индологии, д-р ист. наук Л. Б. Алаев предался воспоминаниям о ситуации с данной проблематикой и терминологией в советском прошлом: «Справедливости ради стоит отметить, что негативное отношение к слову “востоковедение”, “ориенталистика”, “oriental studies” появилось и стало крепнуть задолго до блестящей книги Саида, в период распада колониальных империй в середине XX в. Причём это проявилось не только на Западе и в странах третьего мира, но и в Советском Союзе. Среди востоковедов всё большую роль стали играть учёные из самих так называемых восточных стран, и для них называть ту науку, которой они занимались, “востоковедением” было весьма странно. Регулярно проводившиеся международные конгрессы востоковедов были переименованы в “Международные конгрессы по изучению Азии и Северной Африки”, а Институт востоковедения Академии наук

СССР накануне очередного конгресса в 1960 г., который проходил в Москве, был переименован в Институт народов Азии, при этом из него был выделен Институт Африки. А журнал “Проблемы востоковедения” получил новое название: “Народы Азии и Африки” [Алаев 2016, с. 8].

Таковы были практические выводы, а теоретически востоковедение стало предметом критики как «колонизаторско-расистская» и «буржуазная» наука в Советской России уже в 1920-е гг. Руководитель Центра по изучению России и Евразии Манчестерского университета Вера Тольц (V. Tolz) показала, что эта концепция повлияла на взгляды Э. В. Саида через труды египетско-французского социолога-марксиста А. Абдель-Малека (Anouar Abdel-Malek, 1924–2012), прямо ссылавшегося на статью «Большой Советской Энциклопедии» [Тольц 2013]. Советские пропагандисты от науки явно переборщили с поношением востоковедения, и их филиппики в 1950-е гг. проникли в умы марксистов не только Ближнего, но и Дальнего Востока. Тогда «Большая Советская Энциклопедия» активно переводилась в КНР [Сулянь 1953–1959] и очевидно сформировала сугубо негативный взгляд на западное востоковедение, который через пять лет бумерангом вернулся в СССР.

Именно русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его раскритикованному советскими марксистами в 1920-е – 1950-е и Э. В. Саидом в 1970-е гг. европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «вѣдение» ныне означает в первую очередь «управление», а не этимологически исходное «знание», которое «Большим академическим словарём русского языка» указано в качестве второго и устарелого значения данного слова [Большой 2005, с. 373–374]. Очевидно, что «вѣдение» преобразовалось из «знания» в «управление» прежде всего в административной среде (см., например, [Словарь 1985, с. 241–242]), где то и другое в идеале взаимосвязываются как две стороны одной медали, однако на самой большой этимологической глубине оно знаменовало наивысший вид управления – «провидение, промысел, чудодейственную силу; колдовство, чародейство, знахарство» [Словарь 1975, с. 44, 50].

То ли самостоятельно всплывшая из языкового подполья, то ли злонамеренно выдвинутая, то ли казуистическая, то ли малограмотная трактовка «востоковедения» и «китаеведения» в смысле инверсий «введение Востоком» и «введение Китаем» послужила на излёте «великой дружбы» коммунистических гигантов основанием или поводом для претензии не рядовых востоковедов Востока, а руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР, вследствие чего на фоне формировавшегося десятилетия негативизма по отношению к востоковедению в 1960 г. первый был переименован в Институт народов Азии, а второй вообще упразднён (см. [Афиани 2008, с. 31–38; История 2008, с. 39–57; Институт 2018, с. 76–79]).

По справедливому заключению специально занимавшегося данной проблемой В. Ц. Головачёва, «активная, но недолгая деятельность Института китаеведения, внезапно закрытого в 1960 г., остаётся малоизвестной страницей истории» [Российское 2018, т. 3, с. 9]. Ещё большую драматичность этому удивительному факту придадо то, что вместе с ликвидацией Института китаеведения лишился директорского поста занимавший его всего полгода д-р ист. наук, профессор и будущий академик С. Л. Тихвинский (1918–2018).

Он первым в 2006 г. опубликовал объяснение загадочного происшествия, что, видимо, было связано с празднованием в том же году фальшивого 50-летнего юбилея Института Дальнего Востока РАН, где С. Л. Тихвинский обосновался с 1993 г. (подробно об этом – ниже). По его версии, причиной стало волюнтаристское решение главы СССР Н. С. Хрущёва (1894–1971), в свою очередь вызванное «телеграммой из нашего посольства в КНР, в которой сообщалось о беседе советника-посланника Н. Г. Сударикова летом 1960 г. с одним китайским руководителем среднего ранга. Китайский собеседник в весьма раздражённом тоне упрекал советское руководство в великодержавном шовинизме, мотивируя свой упрёк существованием в Москве двух институтов: “ведающего делами Китая” и “ведающего делами других стран Востока” (так он истолковывал название институтов китаеведения и востоковедения Академии наук СССР). Вместо того чтобы объяснить китай-

ским руководителям истинное значение названий обоих научных центров, Н. С. Хрущёв, к тому времени ещё пытавшийся избежать открытой полемики с Мао Цзэдуном, принял такое “страусовое” решение» [Тихвинский 2006, с. 317]. Свою версию этого события, названного «пертурбацией», С. Л. Тихвинский почти дословно повторил через три года в дважды изданном интервью для проекта «Китаеведение – устная история», и она приобрела официальные черты, в частности будучи воспроизведённой в юбилейных публикациях 2018 г., посвящённых 200-летию Института востоковедения [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 359; Чудодеев 2018, с. 430; Институт 2018, с. 77–78].

Но за год до интервью 2009 г. он выпустил в свет очерк «Образ России в Китае» (М., 2008), переизданный в 6-м томе его «Избранных произведений» (М., 2012), где уточнил сообщение о китайском собеседнике Н. Г. Сударикова (1913–2000), по-прежнему не назвав его имя, а также вопреки предыдущему рассказу поведал о разъяснении ему смысла слова «ведение»: «[...] в одной из бесед с советником-посланником Посольства СССР в Пекине Н. Г. Судариковым, один видный чиновник аппарата Президиума Китайской академии наук обвинил Советский Союз в проведении агрессивной политики против Китая и других стран Востока, мотивировав это обвинение тем, что в Москве существует “Институт, ведающий делами Китая” (Институт китаеведения АН СССР) и “Институт, ведающий всеми остальными странами Востока” (Институт востоковедения АН СССР). Попытка Н. Г. Сударикова разъяснить вызывающе поведшему себя аппаратчику от науки, что слово “ведение” в названии этих двух институтов не имеет ничего общего с “заведованием”, “управлением”, а означает лишь “научное изучение” этих стран [sic]. Однако его китайский собеседник покинул посольство, оставаясь при своём мнении, видимо, отражавшем настроение его более высокого руководства» [Тихвинский 2012, с. 164].

В этих воспоминаниях С. Л. Тихвинский сообщал о пребывании в должности директора института в течение года, с 1960 по 1961 г., что соответственно отражено в специальной биобиблиографической литературе [Милицанд 2008, кн. II, с. 469], хотя проти-

воречит данным других авторитетных справочников (см., например, 3-е изд. «Большой советской энциклопедии»), юбилейных статей о нём и комментариев в сборнике с его интервью, где сказано о существовании Института китаеведения и директорстве в нём С. Л. Тихвинского лишь до 1960 г. [Титаренко, Ипатова 2006, с. 10; Титаренко, Ипатова 2008, с. 9–10; Российское 2014, с. 32, 442, 475; Российское 2018, т. 1, с. 32, 442, 476]. Ещё большую неясность породило приуроченное к 90-летию С. Л. Тихвинского юбилейное жизнеописание, в котором его близкий последователь академик В. С. Мясников сообщил, что юбиляр возглавил институт в 1959 г. [Мясников 2008, с. 78]. Через десять лет эту сомнительную дату повторил ученик С. Л. Тихвинского к. и. н. Ю. В. Чудодеев [Чудодеев 2018, с. 430]. Тогда же в написанной по гранту РФФИ итоговой публикации к 100-летию юбилею уже почившего учёного известный петербургский синолог д. и. н. Н. А. Самойлов ограничился лишь указанием, что он «в 1960 г. был назначен директором Института китаеведения АН СССР», ничего не сказав о времени окончания этой миссии [Самойлов 2018, с. 21].

Определённую ясность сюда внесло издание в 2008 г. фests-шрифта к 90-летию С. Л. Тихвинского с архивными документами по истории Института китаеведения, неоспоримо показавшими, что юбиляр был его директором в два раза меньше указанного им срока, т. е. ровно полгода: с 22 января по 21 июля 1960 г. Более того, из этих документов выяснилось, что решение о ликвидации Института китаеведения было принято ещё раньше и зафиксировано Постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1960 г. [История 2008, с. 53].

Однако 8.12.2021 на 51-й научной конференции «Общество и государство в Китае» В. Ц. Головачёв отметил, что в личном деле С. Л. Тихвинского, хранящемся в архиве ИВ РАН, окончание его директорства маркировано 1961 годом. Обращение к этим документам, видимо ставшим источником искажений в справочной литературе, выявило ещё большую путаницу. В них присутствует полный разницей и с начальной, и с конечной датой рассматриваемого события. В одной из анкет С. Л. Тихвинский собственноручно указал, что был директором Института китаеведе-

ния с 1.01.1960 по март 1961, хотя в деле содержится постановление Президиума АН СССР № 93 от 22.01.1960 о его назначении, поступившее в Институт китаеведения 28.01.1960 и предписывавшее ещё последующее утверждение в должности Общим собранием АН СССР, что совершенно исключает удивительную новогоднюю дату 01.01.1960. Начальная дата 22.01.1960 фигурирует и в других документах личного дела (дополнении к личному листку по учёту кадров, справке), правда в сочетании с иной конечной датой 1.5.1961, которая также отличается от указанной самим С. Л. Тихвинским. Последнюю явно наваяло его утверждение заместителем директора Института народов Азии 31 марта 1961, а майскую дату – дополнительное назначение и. о. заведующего Отделом Китая, тогда же образованным. Несмотря на весь этот разнобой первичные документы ясно показывают, что с 22.07.1960 по 31.03.1961 С. Л. Тихвинский был и. о. заместителя директора Института народов Азии, а не директором уже не существовавшего Института китаеведения.

За столь странным для академического делопроизводства туманом, покрывающим серую зону от закрытия Института китаеведения 22.7.1960 Постановлением Президиума АН СССР № 684 до формирования Отдела Китая 1.05.1961, скрыта ещё одна прозаическая реальность, состоящая в том, что превращение из директора в заместителя директора и и. о. заведующего отделом влекло за собой заметное уменьшение зарплаты: с 6000 (600 после деноминации 1.01.1961) до 550 рублей (на половину оклада м. н. с. без степени). Судя по документам, эта материальная потеря произошла на девять месяцев позже моральной, т. е. только 1.05.1961, а до того у С. Л. Тихвинского сохранялся оклад директора ликвидированного института, что и могло послужить основанием для возникновения некорректных дат.

Безусловно, ликвидация Института китаеведения явилась отнюдь не актом умиротворения Мао Цзэ-дуна (1893–1976), что легче всего было бы произвести простым разъяснением смысла названия института и его задач, а напротив, одним из элементов развёрнутой весной 1960 г. Н. С. Хрущёвым партийно-идеологической и политико-экономической кампании против китайских

отступников и лично «великого кормчего». «21 апреля 1960 г. ЦК КПСС направил коммунистическим и рабочим партиям документ, в котором взгляды китайской стороны подверглись критике. [...] 16 июля в ноте советского правительства руководству КНР отмечались многочисленные факты нарушения китайской стороной договорных обязательств в отношении советских специалистов. [...] С 28 июля по 1 сентября 1960 были отозваны на родину 1390 находившихся в КНР советских специалистов» [Усов 2017, с. 191–192]. «Очевидно, что советский лидер был к тому времени резко настроен против Мао Цзэ-дуна и китайского руководства в целом из-за усилившихся разногласий и отзыв специалистов был своеобразной мстью» [Бажанов 2013, с. 245]. В промежутке между этими акциями в рамках очередного съезда Румынской рабочей партии (20–25.06.1960) прошло Бухарестское совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран (24–26.06.1960), где Н. С. Хрущёв на всех заседаниях в присутствии представителей 51 партии публично осудил китайских товарищей, используя «совершенно недопустимые, оскорбительные выражения», «морально потрясшие» читавшую их стенограмму д. и. н. А. И. Картунову [Российское 2018, т. 3, с. 176].

Совершенно ясно, что летом 1960 г. он уже не «пытался избежать открытой полемики с Мао Цзэдуном» и тем паче не принимал «страусовых» решений под влиянием своего главного оппонента в мировом коммунистическом движении. Скорее наоборот, в той накалённой обстановке импульсивный Н. С. Хрущёв мог назло Мао Цзэ-дуну закрыть совершенно синофильский институт. Более того, можно даже предположить, что само неожиданное назначение такого глубокого знатока внутренних слабостей китайского лидера и его окружения, как С. Л. Тихвинский, директором Института китаеведения в начале 1960 г. уже явилось компонентом начинавшейся антикитайской кампании. Симптоматично, что ранее, в апреле 1956 г., когда как раз готовилось создание Института китаеведения, а С. Л. Тихвинский ждал нового назначения, ему, уже доктору наук и самому, казалось бы, выигрышному кандидату на должность директора, такое предложение не поступило. Это особенно странно в сопоставлении с его собственным объяс-

нением причины получения данной должности через четыре года: «я был назначен директором, потому что был в то время единственным китаеведом – доктором исторических наук» [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 360], ибо в 1956 г. он был тем более вне конкуренции. Столь же удивительно заявление министра иностранных дел В. М. Молотова (1890–1986) о трудоустройстве «единственного китаеведа – доктора исторических наук» в конце апреля 1956 г.: «В Китай Вас посылать также нецелесообразно, поскольку каких-либо сложных для нас вопросов в отношениях с Китаем нет» [Тихвинский 2006, с. 271]. Согласно такой бюрократической логике назначение С. Л. Тихвинского директором Института китаеведения в 1960 г. знаменовало собой не что иное, как появление «сложных вопросов в отношениях с Китаем».

Поэтому за допущенными им фактографическими сбоями, возможно, стоит привычка опытного спецслужбиста не разглашать никакие государственные секреты или личная обида масти того китаиста, лишённого должности, а его версия, чисто мемуарная и никак не документированная, не может считаться полностью достоверной. Полное отсутствие ссылок на какие-либо документы и объективные свидетельства при объяснении весьма серьёзной политико-дипломатической и научно-идеологической «пертурбации» со стороны С. Л. Тихвинского, бывшего начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР и членом Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, выглядит более чем красноречивым молчанием.

Сознательный или бессознательный камуфляж присутствует также в продолжении процитированного рассказа С. Л. Тихвинского о работе в Институте китаеведения с соответствующими территориальными перемещениями из Китайского (ныне Китайгородского) проезда в Хохловский переулок, а «потом в район сельхозвыставки – ВСНХ» [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Если этот институт действительно размещался по первым двум адресам, то последний (указанный весьма расплывчато и с ошибочной привязкой к ВСНХ вместо ВСХВ, или ещё точнее ВДНХ, поскольку речь шла о событиях после её переименования в 1959 г.) принадлежал совсем другому учреждению – Институту

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где на улице Вильгельма Пика в доме № 4 располагался закрытый Отдел Китая, который, по воспоминаниям максимально информированного участника событий д. и. н. Л. П. Делюсина (1923–2013), «был создан по решению ЦК КПСС в 1965 г.» и официально назывался «Отделом истории при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР», но «занимался вопросами сугубо современного Китая и поставлял всякие справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. д.» [Российское 2014, с. 138; Российское 2018, т. 1, с. 138]. Его первым руководителем стал С. Л. Тихвинский, в 1964–1965 гг. являвшийся заместителем директора Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), образованного летом 1960 г. в соответствии с ликвидировавшими Институт китаеведения Постановлениями Совета Министров СССР № 723 от 29 июня 1960 г. и Президиума АН СССР № 684 «Об организации Института народов Азии и Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР» от 22 июля 1960 г. [История 2008, с. 53–54]. Этот закрытый отдел, по сообщению работавшего в нём д-ра ист. наук В. Г. Гельбраса (1930–2018), секретно располагался в отдельном флигеле с выделенной территорией и милицейским постом, а «легальной академической структурой» стал путём преобразования в 1966 г. в Институт Дальнего Востока АН СССР [Российское 2017, с. 139, 140; Российское 2018, т. 2, с. 139, 140].

Руководство закрытым Отделом Китая получилось у С. Л. Тихвинского столь же загадочно кратким и затуманенным в его памяти, как и в случае с Институтом китаеведения. С этой секретной должностью связана очередная ошибка в дате. Согласно собственноручно заполненной анкете из личного дела в ИВ РАН С. Л. Тихвинский был заместителем директора ИЭМСС АН СССР с апреля 1964 по декабрь 1965 г., однако в авторитетном справочнике главного библиографа ИВ РАН С. Д. Милибанд (1922–2017) его пребывание на этом посту датировано 1963–1965 гг. [Милибанд 2008, кн. II, с. 469, стб. 2], т. е., подобно директорству в Институте китаеведения, увеличено на год, что, возможно, возникло из-за смешения с датой образования Отдела истории при ИЭМСС АН СССР, который, по данным синоведа-архивиста к. и. н. А. С. Ипатовой (1933–

2021), был создан во главе с С. Л. Тихвинским именно в 1963 г. [Ипатова 2017, с. 173].

Авторитетные учёные обнародовали и другие версии, представляющие более высокопоставленный источник недовольства, нежели «китайский руководитель среднего ранга» или «видный чиновник аппарата Президиума Китайской академии наук». Чуть позже С. Л. Тихвинского, в том же 2006 г., свидетель события (научный сотрудник и аспирант Института китаеведения и Института народов Азии в 1956–1964 гг.) В. С. Мясников опубликовал своё, в целом похожее, но в деталях отличающееся, воспоминание и почти дословно его повторил в аналогичном интервью 2010 г. [Российское 2014, с. 442, 475; Российское 2018, т. 1, с. 442, 476]. Справедливо не выходя за пределы 1960 г., он утверждал следующее: «После завершения работы проходившего в Москве XXV международного конгресса востоковедов [1960] Н. С. Хрущёв совершил “второе закрытие”. Первым было закрытие учебного института [МИВ в 1954], в котором готовили востоковедов, теперь же было принято решение закрыть Институт китаеведения АН СССР. Основанием для таких действий было донесение одного из работавших в Пекине дипломатов Н. Г. Сударикова, в котором он сообщал о высказанном Мао Цзэдуном в одной из бесед с ним неудовольствии тем, что в СССР создан Институт китаеведения. По мнению Мао Цзэдуна, изучают только колониальные и зависимые страны, а зачем изучать Китай, строящий социализм? Конечно, дело был[о], скорее всего, не в этом, а в том, что начались серьёзные разногласия между руководствами двух государств. Мао Цзэдун решил ослабить научное обеспечение политики СССР на китайском направлении. Н. С. Хрущёв же сделал поспешный вывод, что если научный институт чем-то вызывает недовольство в Пекине, то его следует принести в жертву. Дальнейший ход показал, что это была одна из ошибок Н. С. Хрущёва. Через два года после снятия Н. С. Хрущёва со всех постов Институт был восстановлен как Институт Дальнего Востока АН СССР. Тогда же, в 1960 г., большинство сотрудников Института китаеведения перешли в Институт народов Азии (как тогда стали именовать Институт востоковедения), где был создан комплексный Отдел Китая под руководством бывшего директора Института китаеве-

дения, известного историка и дипломата, проф. С. Л. Тихвинского, ставшего одновременно и заместителем директора Института народов Азии Б. Г. Гафурова» [Мясников 2006, кн. 2, с. 579–580].

Однако XXV международный конгресс востоковедов проходил в Москве 9–16 августа 1960 г., т. е. через полмесяца после закрытия Института китаеведения, а Отдел Китая под руководством С. Л. Тихвинского в Институте народов Азии был сформирован только к 1 мая 1961 г.

В 2008 г. директор Архива РАН (2003–2018) канд. ист. наук В. Ю. Афиани также весьма странным образом без какого-либо документального подтверждения указал на Мао Цзэ-дуна как инициатора пагубной акции: «Есть сведения и о том, что против существования в СССР специального института, занимавшегося изучением проблем прошлого и настоящего Китая, высказался сам “великой кормчий”. Мао Цзэдун посчитал его создание “вмешательством во внутренние дела” Китая» [Афиани 2008, с. 37].

В интервью 2009 г. также для проекта «Китаеведение – устная история» Л. П. Делюсин, бывший в 1959–1965 гг. ответственным работником ЦК КПСС, изложил схожую версию закрытия Института китаеведения с важной дополнительной информацией о недовольстве им и со стороны советского правительства: «Такая ситуация являлась следствием того, что в период “Великой дружбы” требование прекратить “вмешательство во внутренние дела Китая”, высказанное советскому послу китайским руководством, в Москве восприняли как указание к действию: нашлись “доброжелатели” в Китае, которые нашёптывали “великому кормчему”, что китаеведение – наука колонизаторов, и великий китайский народ не должен никому позволять себя “ведать”. Я, конечно, в принципе был против закрытия Института китаеведения. Но Институт-то закрыли, ибо от Н. Г. Сударикова – временного поверенного в делах СССР в КНР была телеграмма, что китайцы возмущались наличием в Москве подобного научного подразделения. Надо сказать, что и наше руководство было недовольно сотрудниками этого института: в журнале Института китаеведения – “Советском китаеведении”, поскольку это был научный, а не публицистический журнал, в период дружбы писались определённые статьи, в кото-

рых отмечались отнюдь не только положительные моменты во всех сферах жизнедеятельности Китая и КПК» [Российское 2014, с. 137–138; Российское 2018, т. 1, с. 137–138]. Затем Л. П. Делюсин сообщил ещё один важный факт: Н. С. Хрущёв требовал избегать упоминания Китая в названии китаеведческого учреждения, отчего и появился занимающийся Китаем НИИ, закамуфлированный под Институт Дальнего Востока АН СССР / РАН [Российское 2014, с. 138; Российское 2018, т. 1, с. 38]. В целом эти свидетельства глубокого знатока предмета подтверждают не меньшую, если не большую, чем у китайской стороны, заинтересованность советской стороны в упразднении Института китаеведения.

Вслед за С. Л. Тихвинским, В. С. Мясниковым и Л. П. Делюсиным в том же проекте принял участие в 2013 г. академик М. Л. Титаренко (1934–2016), в 1957–1965 гг. учившийся и работавший в КНР, а с 1965 по 1985 г. бывший сотрудником ЦК КПСС. В его дважды опубликованном интервью повторены лингвистическая версия и ссылка на Мао Цзэ-дуна, но повышен уровень предъявления им претензии до посла СССР в КНР, коим в 1960 г. был С. В. Червоненко (1915–2003), и понижен уровень ответственности за советскую реакцию с Н. С. Хрущева до члена Президиума и секретаря ЦК КПСС в 1957–1961 гг. Н. А. Мухитдинова (1917–2008): «Институт китаеведения, который был создан, он существовал всё время в разных вариантах: то его переименовывали в Тихоокеанский институт, то его вливали в Институт востоковедения, то его “выливали” и создавали Институт китаеведения... Но потом до председателя Мао дошла весть о том, что в СССР в 1956 году путём отщепления от Института востоковедения был создан Институт китаеведения и что существует журнал “Советское китаеведение”. Очевидно, какой-то не очень грамотный знаток русского языка доложил председателю Мао, что в Советском Союзе существует институт по РУКОВОДСТВУ Китаем. Слово “ведение” было переведено в смысле “руководство”, а не в смысле “изучение”, “исследование”, у него же два смысла. Председатель Мао воспринял это очень нервно, пригласил нашего посла и высказал всё, что он по этому поводу думает. Сказал: “Мы предоставляем вам информацию, разве вам этого недостаточно?” Посол сказал, что, конечно, достаточно. После чего в Москву ушла

телеграмма о том, что возникло вот такое-сякое дело: китайские товарищи очень недовольны. После того, как Хрущёв получил телеграмму, последовало указание разобраться. А тогда науку у нас курировал “великий мудрец восточный”, узбекский товарищ Мухитдинов – тот, который был в Президиуме ЦК КПСС. Было предписано “разобраться и принять меры”. Товарищ Мухитдинов разобрался и принял меры: закрыли Институт китаеведения, Институт востоковедения, который в Сокольниках находился и где готовили страноведческие кадры по Китаю и другим странам» [Российское 2017, с. 473; Российское 2018, т. 2, с. 473].

Однако тут имеет место очевидный анахронизм в соединении «двух закрытий», по выражению В. С. Мясникова, и Н. А. Мухитдинов явно не был причастен к ликвидации МИВа в 1954 г., поскольку до конца 1957 г. работал в Узбекистане.

В подобном и уже трижды опубликованном интервью ещё одного внешнего наблюдателя, находившегося в 1953–1960 гг. в КНР, в конце 1960 – начале 1961 гг. в Москве, а затем в Польше и в 1967 г. поступившего на работу в Институт народов Азии, д-ра ист. наук С. Кучеры (1928–2020) представлен максимально краткий и категоричный, но, увы, безымянный вариант приведённых версий: «Закрытие Института китаеведения, которое тоже произошло по политическим причинам, было ошибкой. Оно было обусловлено влиянием китайцев, я точно это знаю. Китайцы поставили вопрос так: зачем вам этот институт? Если вам что-нибудь будет нужно, то мы для вас сделаем. А поскольку отношения были хорошими, то решили прислушаться к китайским товарищам. Это была глупость» [Синологи 2013, с. 65; Российское 2014, с. 211; Российское 2018, т. 1, с. 211].

Вместе с упомянутыми коллегами по Институту китаеведения интервью для «Китаеведения – устной истории» в 2009 г. дал ещё один непосредственный свидетель его закрытия, работавший там и в Институте стран Азии в 1957–1962 к. и. н. Ю. М. Гарушянц (1930–2012), который возложил ответственность за китайский демарш на премьера Госсовета КНР Чжоу Энь-лая (1898–1976), а не Мао Цзэ-дуна: «Тогда приехал Чжоу Энь-лай и говорит: у нас нет такого института по изучению Советского Союза, а зачем вам Институт

китаеведения? И нас всех разогнали» [Кобзев 2012, с. 34–35; примеч. 32; Российское 2014, с. 55, примеч. 19; Российское 2018, т. 1, с. 55, примеч. 19; Кобзев 2016, с. 582, примеч. 2]. Однако Чжоу Энь-лай приезжал в Москву на XXII съезд КПСС в октябре 1961 г., когда Институт китаеведения уже более года не существовал.

На 52-й научной конференции «Общество и государство в Китае» 18 мая 2022 г. после доклада на данную тему автора этих строк профессор Пекинского университета иностранных языков Ли Ин-нань 李英男 (И. А. Ли) поделилась предположением, что лингвистический аргумент против Института китаеведения мог выдвинуть поверхностно знакомый с русским языком, но считавший себя его знатоком зловецкий руководитель китайских спецслужб и заместитель председателя ЦК КПК Кан Шэн 康生 (Чжао Жун 趙容, 1898–1975).

Таким образом, все рассмотренные версии имеют те или иные дефекты. Исходя из этого и учитывая известные факты, более правдоподобной представляется совсем иная гипотеза. Институт китаеведения существовал с 1956 г. и в течение четырёх лет не вызывал никакого неудовольствия руководства КНР. Более того, он был выделен из Института востоковедения для приоритетного изучения братской социалистической страны на пике «великой дружбы» и служил одним из её главных символов. На волне судьбоносных решений XX съезда КПСС (14–25.02.1956) первый секретарь ЦК КП Таджикистана д-р ист. наук и таджикский академик Б. Г. Гафуров (1908–1977) активно включился в кампанию критики Института востоковедения, возглавлявшегося членкором АН СССР А. А. Губером (1902–1971), и в результате сам занял в нём директорское кресло, после чего тут же в начале августа обратился в ЦК КПСС и лично к влиятельным партийным бонзам, занимавшимся околонуучной идеологией и внешней политикой, Д. Т. Шепилову (1905–1995) и М. А. Суслову (1902–1982) с предложением выделить из Института востоковедения институт, изучающий Китай [Афиани 2008, с. 34–35].

За этим, на первый взгляд, странным стремлением известного своей рачительностью хозяина уменьшить собственное новообретённое хозяйство официально стояла советская теория и пар-

тийная практика принципиального размежевания «двух наук» на основе разделения «двух миров» – социалистического и капиталистического, разница между которыми считалась даже большей, чем между Востоком и Западом, или как минимум приравнивалась к таковой. В последовавшей затем записке вице-президента АН СССР, академика К. В. Островитянова (1892–1969) в ЦК КПСС от 27 августа 1956 г. инициировалось создание абсолютно прокитайского института, предназначенного «улучшить научно-исследовательскую работу по изучению достижений Китайской Народной Республики в деле построения социализма, успехов великого китайского народа в хозяйственной и культурной жизни» [История 2008, с. 40].

Причём его название тщательно выбиралось и в ходе организационного процесса неоднократно менялось. В исходном предложении Б. Г. Гафурова речь шла об Институте Китая и Монголии, в записке К. В. Островитянова – об Институте Китая, а в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 20 сентября 1956 г. – об Институте по изучению истории, экономики и культуры Китая [История 2008, с. 42]. Последнее название вызвало замечание самого члена Президиума ЦК КПСС Л. М. Кагановича (1893–1991). После месячных партийно-академических обсуждений и согласований Президиум АН СССР Постановлением № 571 от 26 октября 1956 г. учредил Институт китаеведения [История 2008, с. 43–47].

Весьма вероятно, что руководство КНР раздражило не существование столь дружественного НИИ, по задачам напоминающего современный Институт Конфуция, а именно назначение его директором С. Л. Тихвинского – кадрового сотрудника органов госбезопасности, много лет (1939–1950) работавшего под дипломатическим прикрытием, конспиративно занимаясь разведывательной и вербовочной деятельностью, в Китайской Республике при враждебном Гоминьдане, а затем (1950–1957) в таких центрах империализма, как США, Великобритания и Япония [Петров 2010, с. 843–844]. В условиях разгоравшегося в 1960 г. конфликта между СССР и КНР китайские власти вполне могли счесть, что при подобном руководителе исследования Института китаеведения сблизятся с работой спецслужб. Показательно, что после этого С. Л. Тихвин-

ский действительно возглавил секретный Отдел Китая в ИЭМСС и уже не посылался дипломатом в КНР, хотя в 1967 г. получил ранг Чрезвычайного и Полномочного посла.

Ранее его появление на 23-м Международном конгрессе востоковедов в Кембридже (21–28.8.1954) и 7-й Конференции молодых китаеведов в Дарэме (28.8–2.9.1954) вызвало международный скандал, поскольку «молодой китаевед в штатском» был опознан как разведчик, с 1953 по 1956 г. являвшийся резидентом МВД/КГБ в Лондоне под прикрытием должности советника Посольства СССР в Великобритании. Разумеется, через полвека сам С. Л. Тихвинский представил своё появление на этих международных форумах результатом возобновления прерванных сталинскими репрессиями «научных контактов между советскими и иностранными востоковедами» [Тихвинский 2006, с. 257–258; Российское 2014, с. 360; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Однако хорошо известно, что в те времена даже простые учёные из СССР, участвуя в подобных мероприятиях, были обязаны заниматься идеологической пропагандой и сбором политической информации, а затем об этом письменно отчитываться. Что касается С. Л. Тихвинского как высшего офицера спецслужб (подполковника ГБ с 16.8.1943), то в его обязанности входил контроль за научными и прочими контактами с иностранцами «представительной делегации СССР из 21 востоковеда во главе с А. А. Губером» [Тихвинский 2006, с. 257; Российское 2014, с. 360; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Возможно, конфуз с советскими востоковедами в Великобритании стал одной из причин замены партийным функционером Б. Г. Гафуровым академического историка А. А. Губера на посту директора Института востоковедения, где он продержался лишь два года.

Очевидно, что «младший социалистический брат» ожидал увидеть у «старшего социалистического брата» во главе изучающего его академического института профессионального учёного, а не кадрового разведчика и лингвистический аргумент мог быть использован или придуман какой-то бюрократической инстанцией только для приличия либо даже прямо указывал на родственность «вёдения» с «разведыванием». Сама гиперкритика в СССР традиционного востоковедения создала почву для возникновения

в «коммунистической семье братских народов» подозрения, что «старший брат» попытается этим испытанным веками «империалистическим инструментом» подчинить себе «младшего брата» и превратить его из субъекта в объект истории. Не исключено также, что весьма искусственный в аппаратных играх, многоопытный бюрократ Б. Г. Гафуров предвидел такой исход дела и, подыгрывая начальству, понимал, что отторгнутое от его института подразделение вернётся в родную гавань с прибытком.

Кроме того, легко допустить неслучайность указания М. Л. Титаренко на Н. А. Мухитдинова, который «по-восточному» мог содействовать Б. Г. Гафурову в возвращении Института китаеведения либо сам хотел его возглавить по примеру старшего товарища, бывшего прежде и одновременно с ним таким же руководителем среднеазиатской республики в составе СССР. Видимо, бюрократическая логика той эпохи предполагала, что как экономика должна быть экономной, так и востоковедение – удел представителей Востока. Косвенным подтверждением последнего предположения может служить тот факт, что через девять лет после С. Л. Тихвинского, в 1966 г., Н. А. Мухитдинов тоже оказался на руководящей должности в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР.

Когда же обольстительный мираж «великой дружбы» рассеялся и противостояние двух коммунистических гигантов дошло до пролития братской крови в боестолкновениях на советско-китайской границе 2–15 марта 1969 г., уже 28 марта того же года Постановление Президиума АН СССР № 263 вновь преобразовало Институт народов Азии в Институт востоковедения, однако Институт китаеведения не был восстановлен, поскольку уже с 1966 г. существовал заменивший его Институт Дальнего Востока АН СССР. В советское время он «постепенно превратился в специализированное учреждение по “критике маоизма”, которой занимались десятки его сотрудников (в шутку прозванных в научных кругах “китобоями”), публикуя свои труды в многочисленных открытых, но чаще всего закрытых изданиях» [Лукин 2015, с. 760].

Многолетний заместитель директора ИДВ РАН д-р экон. наук А. В. Островский совсем недавно дал самую откровенную

и устрашающую оценку глобальных последствий рассмотренного события: «После закрытия Института китаеведения многие китаеведы вынуждены были сменить профессию, вузы практически перестали выпускать специалистов со знанием китайского языка, а специалистам со знанием китайского языка находились лишь места стюардесс на международных линиях или референтов со знанием английского языка в торговых организациях. В марте и августе 1969 г. произошли вооружённые столкновения на границе. В этот момент в США с подачи квалифицированных китаеведов и советологов увидели возможность ещё больше обострить отношения между СССР и КНР. В результате в 1972 г. США и КНР подписали “Шанхайское коммюнике”, по итогам которого СССР пришлось готовиться к войне на два фронта. Суммарные расходы на оборону на границе с Китаем составили примерно два годовых бюджета СССР. Экономика СССР не выдержала напряжения. Бездумная ликвидация Института китаеведения АН СССР в 1960 г. стала одним из важных факторов, способствующих распаду СССР впоследствии» [Круглый стол 2022, с. 11–12].

Согласно нашей гипотезе ликвидация Института китаеведения была не столько бездумной, сколько злонамеренной акцией, к которой привело столкновение противоположных интересов руководителей КНР и СССР. В полемическом угаре первые, восприняв советское осуждение традиционного востоковедения как буржуазной науки с гегемонистскими интенциями, заподозрили в назначении новым директором института высокопоставленного сотрудника спецслужб соответствующее началу острого конфликта формирование враждебного разведывательно-пропагандистского центра, а вторые лишили Китай даже знаков научного внимания, закрыв НИИ, созданный для изучения достижений КНР.

Нужда в Институте китаеведения по прошествии 60 с лишним лет после его исчезновения не только никуда не делась, но и обострилась настолько, насколько с той поры увеличилось значение Китая. Более того, эвфемистическое название Института Дальнего Востока, призванное суеверно скрыть сакраментальное имя «раскольнического» государства, ныне выглядит идеологическим анахронизмом и алогичным дублированием в соотношении с назва-

нием Института востоковедения, который, безусловно, также занимается Дальним Востоком как неотъемлемой частью Востока. Кроме того, новый и. о. директора Института Дальнего Востока, являющийся профессиональным филологом, д-р филол. наук К. В. Бабаев в конце 2021 г. объявил это название ошибочно воспринимаемым как относящееся лишь к российскому Дальнему Востоку и инициировал его переименование в Институт Китая и современной Азии, что, однако, вновь может побудить китайцев задуматься: не исключают ли их из Азии или из современности, и по зрелом размышлении сделать очередной политико-лингвистический реприманд.

Подобные манипуляции с фактами, отточенные в идеологической и коммерческой борьбе, стали коронным номером некоторых руководителей Института Дальнего Востока, дошедших до произвольного переписывания его собственной истории. Как было отмечено выше, в 2006 г. развернулась фантастическая кампания по искусственному удревнению генеалогического древа института для празднования его 50-летия вместо положенного согласно обычному календарю и здравому смыслу 40-летия. По устному свидетельству А. В. Островского, волшебное прибавление целого десятилетия имело банальную причину: Академия наук согласилась финансировать только совсем «круглый» 50-летний, а не «полукруглый» 40-летний юбилей. Выцыганенное празднество вылилось в пышные торжества, сопровождавшиеся выпуском мемориальных публикаций и даже медали с надписью «ИДВ РАН 50 лет. 1956–2006». Благоразумно не обозначивший себя автор Предисловия в юбилейном издании «Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН)» обосновал пересмотр общепринятой даты основания института новым найденным происхождением от безвременно почившего предка: «Ровно полвека назад, в 1956 г., постановлением Президиума Академии наук СССР был создан Институт китаеведения, преобразованный в последствии (так в оригинале. – А.К.) в Институт Дальнего Востока» [Предисловие 2006, с. 5]. Однако в начале первой же статьи данного сборника директор института М. Л. Титаренко и его ведущий научный сотрудник А. С. Ипатова фактически опровергли эту конъюнктурную версию утверждением, что не в 1956, а «в 1966 г. начал свою деятельность Институт Дальнего Востока АН

СССР, который был образован на основе Отдела истории, созданного несколькими годами ранее по инициативе С. Л. Тихвинского в структуре Института экономики мировой социалистической системы АН СССР» [Титаренко, Ипатова 2006, с. 10], а не Института китаеведения или Отдела Китая, созданных в структуре Института востоковедения / Института народов Азии АН СССР. В сентябре 2021 г. и. о. директора ИДВ А. А. Маслов как доктор исторических наук восстановил историческую справедливость и празднованием его 55-летнего юбилея отверг выдуманное происхождение от многострадального Института китаеведения (подробно см. [Шабалин 2022]), а в декабре 2022 г. по инициативе автора этих строк еще более многострадальный журнал «Советское китаеведение» возродился в ИКСа под названием «Российское китаеведение».

В свою очередь, терминологически реабилитированное в СССР отечественное «востоковедение» уже в новой России официально присоединилось к мировой «ориенталистике» (Oriental studies, Orientalology, Orientalism, Orientalia), что засвидетельствовало превращение журнала «Советское востоковедение» (1955–1959) / «Проблемы востоковедения» (1959–1961) / «Народы Азии и Африки» (1961–1990) в «Восток / Oriens», наименование выпускаемой с 2001 г. серии трудов Института восточных культур и античности РГГУ (ныне Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ) «Orientalia et Classica» и создание в 2018 г. к 200-летию Института востоковедения международного журнала «Ориенталистика» («Orientalistica»).

Источники и литература

1. Афиани 2008 – *Афиани В. Ю.* «В целях глубокого и всестороннего изучения достижений и опыта...» Из истории советского китаеведения в 1950-е гг. // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 31–38.
2. Алаев 2016 – *Алаев Л. Б.* Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // Ориентализм vs Ориенталистика / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 16–26.

3. Бажанов 2013 – *Бажанов Е. П.* От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 217–298.
4. Большой 2005 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2005.
5. Институт 2018 – Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее: к 200-летию / Ав.-сост. Д. В. Дубровская. М.: ИВ РАН, 2018.
6. Ипатова 2017 – *Ипатова А. С.* Связь времён сохраняется. Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) (Из личных воспоминаний и по документам Архива РАН) // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 167–176.
7. История 2008 – История Института китаеведения в документах (1956–1960 гг.) / Публ. В. Ю. Афиани, А. С. Ипатова // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 39–57.
8. Кобзев 2012 – *Кобзев А. И.* Последнее интервью Ю. М. Гарушянца // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2012. С. 31–40.
9. Кобзев 2016 – *Кобзев А. И.* Драмы и фарсы российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016.
10. Кобзев 2021 – *Кобзев А. И.* Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 77–104.
11. Круглый стол 2022 – Круглый стол «Китаеведение современной России» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 1–33.
12. Лукин 2015 – *Лукин А. В.* Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015.
13. Милибанд 2008 – *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь. Кн. I, II. М.: Вост. лит., 2008.
14. Милибанд 2009 – *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь. Дополнения и указатель. М.: Вост. лит., 2009.
15. Мясников 2006 – *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга: избранные статьи. Кн. 1, 2. М.: Вост. лит., 2006.
16. Мясников 2008 – *Мясников В. С.* Академик Сергей Леонидович Тихвинской. К 90-летию со дня рождения // Восточный архив. № 18. 2008. С. 75–84.

17. Петров 2010 – *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М.: Мемориал, Звенья, 2010.

18. Предисловие 2006 – Предисловие // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН) / Отв. ред. А. В. Островский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 5–6.

19. Российское 2014 – Российское Китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими Китаеведами XX–XXI вв. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. Т. 1. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014.

20. Российское 2017 – Российское Китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими Китаеведами XX–XXI вв. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2017.

21. Российское 2018 – Российское Китаеведение – устная история: Сборник интервью с ведущими российскими Китаеведами XX–XXI вв.: в 3-х тт. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1, 2, 3. М.: ИВ РАН, МАКС Пресс, 2018.

22. Саид 2016 – *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Миръ, 2016.

23. Самойлов 2018 – *Самойлов Н. А.* Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение эволюции образа России в Китае // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 20–26.

24. Синологи 2013 – Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов / Сост. С. В. Дмитриев. М.: ИВ РАН, 2013.

25. Словарь 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / Гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975.

26. Словарь 1985 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. М.: Наука, 1985.

27. Сулянь 1953–1959 – Сулянь да бай-кэ цюань-шу сюань-и 蘇聯大百科全書選譯 («Большая Советская Энциклопедия» в избранных переводах). 30 тт. Пекин, Шанхай: Издательства «Ши-дай», «Минь-цзу», «Жэнь-минь», «Сань-лянь» 時代出版社, 民族出版社, 人民出版社, 三聯書店, 1953–1959.

28. Титаренко, Ипатова 2006 – *Титаренко М. Л., Ипатова А. С.* Учёный, патриот, дипломат // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН) / Отв. ред. А. В. Островский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 9–21.

29. Титаренко, Ипатова 2008 – *Титаренко М. Л., Ипатова А. С.* Жизнь большая и яркая: к 90-летию академика С. Л. Тихвинского // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 5–30.

30. Тихвинский 2006 – *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка: автор о себе, своих коллегах – историках и дипломатах. М.: Наука, 2006.

31. Тихвинский 2006а – *Тихвинский С. Л.* Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды. Информ.-библиограф. справочник / Сост. В. П. Журавлёва, А. С. Ипатова, О. Н. Попова. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 7–15.

32. Тихвинский 2012 – *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Кн. 6. Дополнительная. М.: Наука, 2012.

33. Тихвинский 2016 – *Тихвинский С. Л.* Институту Дальнего Востока РАН 60 лет // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 410–417.

34. Тольц 2013 – *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и ранне-советский периоды. М.: НЛЮ, 2013. URL: <http://history.org.ua/LiberUA/978-5-4448-0058-4/978-5-4448-0058-4.pdf> (дата обращения: 03.01.2022).

35. Усов 2017 – *Усов В. Н.* Китайская Народная Республика в 1949–1960 гг. // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / Отв. ред. Ю. М. Галенович. М.: Наука, 2017. С. 19–347.

36. Чудодеев 2018 – *Чудодеев Ю. В.* Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН // Ориенталистика. 2018. Т. 1, № 3–4. С. 424–458.

37. Шабалин 2022 – *Шабалин В. И.* От юбилея к юбилею (Письмо в редакцию) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 89–97.

38. Said 1978 – *Said E. W.* Orientalism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978.